

М.А. Рейснер

**Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и
социальная идеология**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

М11 **М.А. Рейснер**
Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М.А. Рейснер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 242 с.
ISBN 978-5-458-54804-5

ISBN 978-5-458-54804-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Корни юридико-фантастической растительности заблуждений покоются на представлении о сверхчеловѣческомъ правовомъ велѣніи, вытекающемъ въ религіозномъ отношеніи изъ художественной, а спекулятивно изъ мыслящей фантазіи. Познаніе этого воображенія совершается при помощи выясненія его психологическихъ тенденцій, которыя происходятъ изъ непониманія земного происхожденія и цѣлей права, а въ силу этого и подлежатъ устраненію при помощи доказательства. Такимъ образомъ сверхчеловѣческое правовое велѣніе, ушедшее изъ-подъ человѣческой опеки, не только опровергается и уничтожается, но вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою радикальное истребленіе всего дальнѣйшаго ростовщичества за счетъ основной фантазмы. Такъ какъ дѣйствительное происхожденіе права психологически необходимо ведетъ къ фантастическому его обоснованію и образуетъ все его существо, то и философія права даетъ исчерпывающее познаніе сущности права тѣмъ путемъ, что она возвращаетъ правовыя фантазмы къ дѣйствительности, указывая ихъ генетическое происхожденіе. Она не учитъ тому, что предписывается при помощи права, но тому, какимъ образомъ право представляется повелѣвающимъ по своей природѣ и такимъ образомъ ничего не имѣетъ общаго съ правомъ природы, но только съ природою права“.

Ludwig Knapp, System der Rechtsphilosophie. 1857 г.

I.

Право и сила.

Въ современной юриспруденціи посторонняго наблюдателя невольно поражаетъ ея пристрастіе къ наиболѣе общимъ и широкимъ темамъ и, въ особенности, ея стремленіе найти какія-то новыя опредѣленія самой сущности своего предмета. И, если въ современной соціологіи

страстно и лихорадочно разыскивается исчерпывающее опредѣленіе общества, то аналогичное стремленіе въ такой же мѣрѣ мы наблюдаемъ у юристовъ и государственниковъ. Первые посреди живой практической работы вдругъ остановились надъ вопросомъ, что такое право, государствовѣды, хотъ и съ меньшей торопливостью, возвращаются къ вопросу о самой сущности и основахъ государства.

Эти явленія безспорно симптоматическаго характера и живо напоминаютъ намъ тотъ переломъ, который въ XVI—XVIII вѣкахъ пережила правовая мысль Европы подъ вліяніемъ перестройки всѣхъ отношеній, сопряженной съ началомъ «новой эпохи». Какъ теперь, на грани, отдѣляющей насъ отъ неизвѣстнаго будущаго, такъ и тогда лучшія головы Европы обратились къ изслѣдованію «сущностей» и «первыхъ началъ». Какъ теперь, такъ и въ то время искали какое-то новое право и несхожее съ прежнимъ государство; подъ видомъ философскаго углубленія въ тайны животворящей и созидающей природы отыскивались понятія, готовыя покрыть собою новый міръ, возникающій изъ нѣдръ стараго порядка.

И надо признать, что великіе творцы естественнаго права, права разума и природы, блестяще выполнили свою задачу: найденныя ими понятія и идеи оказались въ высшей степени пригодными для того, чтобы стать духовнымъ оружіемъ въ рукахъ всѣхъ борющихся началъ. Они оправдали революцію изъ прирожденных неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина, но въ той же мѣрѣ послужили щитомъ и мечомъ и для новаго всепоглощающаго «сувереннаго» абсолютизма. Они провозгласили начало свободы совѣсти, но въ той же степени содѣйствовали построенію такъ называемой «духовной полиціи» и основаннаго на ней цезарепапизма. Они, съ одной стороны, въ высшей степени энергично вносили въ гражданскіе кодексы гуманной эпохи начало помощи

обездоленнымъ, но, съ другой, еще болѣе сильно способствовали водворенію и распространенію нормъ стараго римскаго права съ его ярко «эгоистическимъ» принципомъ свободной, самодержавной частной собственности. И, если далѣе естественному праву принадлежитъ заслуга смягченія безчеловѣчныхъ наказаній прежняго уголовного права, то ему же обязана своимъ происхожденіемъ и та пресловутая государственная нравственность, свѣтская религія божественнаго Левіаѳана, которая построила новыя тюрьмы и создала новыя казни для обновленнаго разумомъ человѣка.

Одна идея объединяетъ, однако, всѣ эти стремленія естественнаго права. Выступая подъ видомъ вѣчнаго закона человѣчества и становясь въ рѣзкую противоположность разрозненной пестротѣ феодальныхъ положительныхъ правъ—одинаково божескихъ и человѣческихъ,—право природы какъ бы инстинктивно все время бьется вокругъ одного идеала, стремится къ одной высшей и окончательной цѣли: оно жаждетъ государства, оно призываетъ «верховнаго законодателя», оно стремится стать государственнымъ, а всѣхъ гражданъ силою природы подчинить центральной всеобъемлющей власти. Государство это солнце естественнаго права...

Только затѣмъ люди рождаются на свѣтъ, чтобы стать гражданами, только для того даны имъ природой-матерью свобода и равенство, чтобы передать ихъ цѣликомъ или въ части великому цѣлому политическаго единства, чтобы создать при помощи договора сіяющій центръ государственнаго всевластія. И къ этому центру направлены всѣ ихъ стремленія и запросы. Природа предписываетъ государству цѣль его дѣятельности; она путемъ подчиненія естественнаго человѣка законодателю создаетъ власть, она организуетъ ее и диктуетъ священныя хартіи и основные договоры, она во имя свободы проводитъ рѣзкую грань между властями и уравниваетъ ихъ въ удивительной

машинѣ, гдѣ маятникомъ становится «гармоническая справедливость». Государство, освященное «натурой», незблемое, какъ естество, могучее, какъ стихія, и основанное на вѣковѣчномъ законѣ естественной необходимости—таково основное твореніе одухотворенной природы, вышедшее изъ лабораторіи сознательнаго человѣческаго творчества.

II мы видимъ удивительное зрѣлище: государство, воплотившее въ себѣ «природу», получаетъ независимое отъ нея бытіе; словно оторвавшаяся отъ первоначальной общей массы планета, оно стремится начертать свою собственную орбиту. Природа огосударствленная объявляетъ войну природѣ, оставшейся позади; одно государство претендуетъ на ореолъ истинной природы, на значеніе нормальнаго и непререкаемаго образца, оно одно есть истинный, непреложный и здоровый организмъ натуральной жизни и все, что внѣ его, объявляется больнымъ, извращеннымъ и уродливымъ; одно оно воспріяло у непосредственнаго источника чистыя струи человѣческой жизни и даетъ имъ просторъ, полноту и защиту. Только въ государствѣ, въ виду этого, можетъ быть возвращено безоблачное человѣческое счастье, только въ его нѣдрахъ возрождается идиллія золотого вѣка, воскресаеъ потерянный и снова возвращенный рай.

И, какъ надо было ожидать, природа государственная объявила войну природѣ, оставшейся внѣ его. Чтобы не быть низвергнутымъ рукою Зевса, Кроносъ сталъ пожирать своихъ дѣтей. Естественное право сдѣлало свое дѣло—оно должно было стать казеннымъ, къ кодексу природы приложена печать, онъ украшенъ надписью «быть по сему». Права человѣка занесены въ надлежащія рубрики, титулы и статьи. Знаменитые терезіанскіе, фридриціанскіе, максимиліановскіе кодексы и уложенія точно такъ же закрѣпили въ государственномъ законѣ естественное и писанное право человѣка и гражданина,

какъ это сдѣлали, съ другой стороны, всевозможныя конституціи революціонной Франціи, объединенной Швейцаріи, республиканской Америки. И если въ одномъ случаѣ право природы вылилось въ формѣ абсолютной, а затѣмъ конституціонной монархіи, въ другомъ въ видѣ различныхъ республиканскихъ штатовъ и государствъ, то всѣ эти «конституціи» базировали на одномъ официально одобренномъ, повсюду обще-принятомъ и для всѣхъ обязательномъ символѣ вѣры, который гласить: государство есть начало и конецъ общественной жизни, въ государствѣ и отъ него получаетъ бытіе всякое право, государству одному принадлежитъ самодержавное монопольное распоряженіе вооруженнымъ принужденіемъ, отъ него и только отъ него можно ожидать всяческаго блаженства, добродѣтели и прогресса.

Естественное право цѣликомъ раздѣлило въ своей судьбѣ участь своего создателя и творца. По мѣрѣ того, какъ бунтующее третье сословіе постепенно переходило на рельсы государственно мыслящаго класса и, очищаясь отъ прежнихъ союзниковъ, поднималось по ступенькамъ бюрократіи и народнаго представительства до положенія властвующаго въ объединенномъ государствѣ фактора—право природы, очищаясь въ горнилѣ канцелярій, парламентовъ и полицейскихъ участковъ, получило, наконецъ, твердыя формы государственнаго права, вылилось въ кристаллы священной собственности, благонамѣренной свободы и равенства, построеннаго на конкуренціи нищаго труда и привилегированнаго капитала. Прежнее естественное право умерло... Правда, его старыя знамена пробовали поднять оставшіяся за флагомъ «государственности» народныя массы и соціалистическія партіи, бунтари и заговорщики хотѣли разуму успокоенному противопоставить разумъ бунтующій, природѣ казенной—природу вольную... Но попытка не удалась, и не только потому, что на сторонѣ прирученной природы оказались

фабрики, биржа и пушки; нѣтъ, самый принципъ произведенныхъ правъ былъ продырявленъ и сданъ за ненужностью въ архивъ, на огнѣ исторической науки были сожжены его обрывки, какъ истрепавшіяся банковыя бумажки.

Одомашненная природа превратилась въ исторію. Историческое право смѣнило революцію. Разумный и сознательный творецъ государства — суверенная личность—стала темной клѣточкой общественнаго организма, игрушкой эволюціоннаго процесса. Само государство преобразовалось. Холодная, математически обдуманная машина власти, этотъ обожествленный инструментъ свободы и счастья распался, словно весенній ледъ, и выросло изъ-подъ него государство-организмъ, общественное тѣло съ правительствомъ,—головою, съ дорогами вмѣсто жилъ, съ буржуазіей въ роли желудка, съ миллионами трудящагося люда въ видѣ вѣчно работающихъ рукъ, безъ отдыха шагающихъ ногъ. И въ мирномъ процессѣ безпрепятственной эволюціи, въ спокойномъ ростѣ могучаго организма зажглась жизнь классоваго общества, зашевелились клѣточки индустріальнаго производства и черной, тяжелой волной поднялась горячая кровь обезземеленнаго пролетаріата. Организмъ заработалъ во всю. Оправданный исторіей на твердой почвѣ необходимаго развитія, проникнутый теоріей полезности и приспособленія онъ вошелъ въ міръ органической одушевленной природы, замѣнилъ собой металлическаго Левіаеана стараго времени.

Спрашивается, откуда же было взять силу самоотверженнаго долга, когда органическая природа признаетъ лишь приспособленіе и роковой неизбѣжный ходъ естественной эволюціи. Откуда добыть идеалы, когда все поκειται на борьбѣ за существованіе, когда одинъ сильный имѣетъ право на жизнь и счастье, слабый же обреченъ голодной гильотинѣ? О какомъ нравственномъ

законѣ можетъ идти рѣчь, когда борьба клѣточекъ построена на принципѣ самосохраненія, когда для выработки лучшаго должны гибнуть тысячи худшихъ, когда сила становится главнымъ основаніемъ, а польза, грубый интересъ, голосъ ненасытнаго брюха, образуетъ все содержаніе стремленій, желаній, домогательствъ? Невозможно было возвращаться къ природѣ тѣмъ классамъ, которые остались внизу, органическо-историческое направленіе убило право природы безповоротно и навсегда.

И въ самомъ дѣлѣ, пока въ видѣ природы была природа неорганическая, все было очень удобно и просто. Мыслящій человѣкъ бралъ бумажку и спокойно высчитывалъ себѣ, сколько понадобится ему для постройки камня и глины, желѣза и стали. Онъ открывалъ руководство по физикѣ и химіи и находилъ тамъ точныя красивыя формулы, неизмѣнныя, какъ само бытіе. По этимъ формуламъ онъ дѣлалъ точныя вычисленія и, хотя вмѣсто кирпича у него былъ человѣкъ, а вмѣсто цемента его потребности и чувства, дѣло выходило очень хорошо. Набрасывался очень красивый и изящный планъ, точно опредѣлялось качество матеріаловъ, и дѣломъ политика-законодателя было слить массу кирпичей и живой глины въ остроумную и крѣпкую постройку, созданную по всѣмъ правиламъ искусства, согласно природѣ людей и ихъ собственному счастью. Въ этомъ случаѣ естественная необходимость совпадаетъ съ долженствованіемъ, математическая формула съ нравственнымъ долгомъ, естественная потребность съ неотчуждаемымъ священнымъ правомъ... Но какъ быть, когда математику смѣнила зоологія, антропологія, социологія, что дѣлать, когда на мѣсто естественной «исторіи» неорганическихъ веществъ развернулась исторія тысячелѣтій со своими загадками и темнотой, съ своею сложностью, неопредѣленностью, уходящимъ въ неизвѣстное концомъ? Гдѣ здѣсь социальная необходимость? Въ

чемъ цѣль неизсякаемаго моря причинъ? Къ какой точкѣ примкнуть здѣсь личный идеалъ, горящую совѣсть, критическую мысль? Не математическій кодексъ, не ясная формула точныхъ величинъ, а бесконечно связанный калейдоскопъ «обусловленныхъ» явленій, хаосъ живой эмпириі, въ которомъ каждый день новая и сложная перемѣна, каждую минуту новый фактъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое изслѣдованіе, наблюденіе, индукція. Что до того, что были, наконецъ, изобрѣтены разные эволюціонные соціологическіе законы; что можно сдѣлать для личнаго поведенія изъ спенсеровской дифференціаціи и интеграціи, что давало дарвиновское приспособленіе и борьба, къ чему намъ были геккелевскіе монизмы, когда у насъ не было формулы для жизни, оболочки для права, закона для нравственнаго долженствованія? Изъ зоологіи нравственности вывести было нельзя. Естественное право погибло.

А между тѣмъ развитіе европейскаго общества само привело къ большому спросу на новые политическіе идеалы, прирожденные права, категорическую и высокую нравственность. Мы не станемъ повторять здѣсь въ тысячу первый разъ той исторіи развитія европейскихъ соціальныхъ классовъ, которая стала обще-извѣстной даже въ Россіи, благодаря безчисленнымъ брошюрамъ и книжкамъ. Напомнимъ только, что какъ разъ тамъ, гдѣ была особенно сильна потребность въ идейной основѣ для своихъ реальныхъ стремленій, въ классѣ фабричныхъ работниковъ, получила особое распространеніе и та теорія, которая сдѣлала колоссальную попытку примирить исторію, изготовленную въ буржуазной лабораторіи, съ соціалистическимъ идеаломъ и подъ знаменемъ марксизма объединила милліоны европейскаго пролетаріата. Грандіозная система Маркса, завершившаяся законченной теоріей въ области экономической науки, къ сожалѣнію, не нашла однако равныхъ ему продолжателей. Намѣченная марксизмомъ соціологія остановилась при первыхъ своихъ положеніяхъ,

правовая и государственная теорія марксизма осталась незавершонной, въ соціальной исторіи человѣчества лишь теперь началась достойная этого имени работа по провѣркѣ и обоснованію историческаго матеріализма. Партійная публицистика и напряженная политическая борьба отвлекла отъ теоретической работы всѣ лучшія головы пролетарскаго марксизма, немногіе изъ среды партіи работниковъ могли позволить себѣ роскошь чисто научной теоретической работы. И, если на практикѣ европейскій социализмъ во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ и направленіяхъ сумѣлъ создать новую мораль и право, то до сихъ поръ, однако, эта идеологія не получила своего высшаго теоретическаго выраженія. «Естественное» право угнетенныхъ массъ еще ожидаетъ своего «кодекса».

Однако соціальный переворотъ, совершившійся уже подъ кровомъ новаго правового и культурнаго государства, не могъ пройти безслѣдно для наиболѣе чуткихъ умовъ западной Европы. И если въ началѣ между пониманіемъ явленій и ихъ дѣйствительнымъ обнаруженіемъ не было никакой связи, то вскорѣ на поверхности общественной жизни закипѣла лихорадочная теоретическая работа. Относительно перваго ея періода совершенно правъ былъ Н. И. Зиберъ, когда говорилъ, «что ни въ какой другой періодъ общественно-экономической исторіи не существовало такой глубокой, зіяющей бездны между фактическимъ теченіемъ общественныхъ событій и явленій и уровнемъ ихъ пониманія какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ значеніи послѣдняго». И дѣйствительно, «быстрота, разнообразіе, внезапность появленія и размѣры тѣхъ измѣненій въ экономіи общества, которыя... являются главнѣйшею характеристикой переживаемаго нами времени, просто на просто застigli большинство такъ называемой интеллигенціи врасплохъ, не дали ей еще возможности приспособиться къ себѣ и стать на надлежащій уголъ зрѣнія». Такъ создалось своеобраз-

ное «разстояніе между общественной организаціей и общественнымъ воззрѣніемъ на нее», такъ «право», этотъ «установившійся общественный разумъ эпохи», основная «единица міровоззрѣнія» ея, оказалась назади соціальной дѣйствительности капиталистической эпохи ¹⁾).

Конфликтъ стараго права и новыхъ потребностей выяснялся все больше и больше. Государство монополизировало право, а наука оказывалась безсильной оторвать право отъ государства и поставить его на иные общественные рельсы. Въ государствѣ право, казалось, нашло свою истинную родину, и покинуть «государственное» право значило впасть въ анархію. Новыя стремленія оказывались лишенными надежды получить когда-нибудь «свое право».

Такое положеніе дѣлъ продолжалось, впрочемъ, не долго. И первыми здѣсь заговорили соціальные историки и экономисты, Мауреръ, Мэнъ, Нассе, Лавеле: они первые стали изслѣдовать зависимость учрежденій отъ экономическихъ условій; къ нимъ присоединился Арнольдъ, который уже различалъ право и хозяйственные условія только какъ двѣ стороны одного и того же процесса. «Въ исторіи не существуетъ ничего внутренняго и ничего внѣшняго, исключительно отъ точки зрѣнія наблюдателя зависитъ то, какимъ именно образомъ онъ пожелаетъ воспринимать и представлять себѣ вещи; если изслѣдованіе будетъ проведено послѣдовательно, то оно приведетъ къ одному и тому же результату, все равно, станемъ ли мы разсматривать право, какъ основаніе хозяйственныхъ условій, или же эти послѣднія, какъ основаніе развитія права». И даже Рошеръ находилъ, говоря въ своемъ возвышенномъ стилѣ, «что юриспруденція и экономическая наука—это двѣ родныя сестры, у нихъ одна общая мать—истина и одна общая сфера работы—жизнь народа и человѣче-

¹⁾ Н. И. Зиберъ, Собраніе сочиненій, Т. II, Право и политическая экономія, Спб. 1900 г., стр. 307—337.